

хозяйственной сметкой. И он сумел-таки — за семнадцать лет повседневной будничной работы! — сделать из Степановки образцовое поместье, принесшее ему и богатство, и уважение в уезде (где его десять лет подряд избирали на должность мирового судьи), и очень своеобразную литературную известность.

С поэзией он как будто расстался. В 1863 году выпустил итоговое, двухтомное собрание стихотворений и почти прекратил журнальные публикации. Немногие стихи, в этот период напечатанные,— это воспевание своего дома, где можно укрыться от суетного и враждебного мира:

*Поэт! и я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной;
Среди родных полей и тень я отыскал,
И уголок земли пустынной.*

*Привольно, широко, куда ни кинешь взор.
Здесь насажу я сад, здесь, здесь поставлю хату!
И, плектрон* отложив, я взялся за топор
И за блестящую лопату.
Свершилось! Дом укрыл меня от непогод,
Луна и солнце в окна блещет,
И, зеленью шумя, деревья хоромов
Ликуют жизнью и трепещет.*

*Ни резкий крик глупцов, ни подлый их разгул
Сюда не достигнут. Я слышу лишь из саду
Лихого табуна сближающийся гул
Да крик козы, бегущей к стаду...*

(«Тургеневу», 1864)

Зато — в это же самое время — Фет становится активным прозаиком и публицистом: в журналах консервативного направления появляются его публицистические циклы «Из деревни» и «Записки о вольнонаемном труде», его рассказы и даже большая повесть «Семейство Гольц» (1870 — печальная история семьи спившегося ветеринара).

Проза Фета — почти неизвестна современному читателю. А тот, кто знает про нее из учебников и популярных книжек, должен был вынести впечатление о ней как о некоей «мрачной» стороне его противоречивой лирической натуры. Его очерки даже в последних книжках оценены как «реакционные, идеологически чуждые» (Е. А. Маймин). «Фет пеняет на власти за то, что они якобы плохо защищают помещичью собственность и помещичьи интересы от крестьян и наемных рабочих. Эти очерки возбудили негодование всей передовой печати» (Б. Я. Бухштаб). Под «передовой печатью» в приведенных утверждениях понимаются отзывы тех же революционных демократов (мы опять-таки традиционно «играем в одни ворота!»). Отзывы действительно уничтожающие — взять хоть того же Салтыкова-Щедрина: «Вместе с людьми, спрятавшимися в земные расселины, и г. Фет скрылся в деревню. Там, на

* Плектрон — костяная пластинка для игры на лире; здесь — символ поэтического творчества.

досуге, он отчасти пишет романсы, отчасти человеконенавистничает; сперва напишет романс, потом почеловеконенавистничает, потом опять напишет романс и опять почеловеконенавистничает...»

Неправда это. Неправда, вышедшая из недр раскаленной общественной обстановки 60-х годов. Собственно, что же «человеконенавистнического» в таком хотя бы — ключевом — утверждении Фета из статей о вольнонаемном труде: «Такой труд, где рабочий напрягает свои силы чисто и единственно для себя, есть идеал вольнонаемного труда, идеал естественного отношения человека к труду». Именно этот идеал Фет пробовал осуществить на практике, руководствуясь не только своими, помещичьими интересами, но и экономическими выгодами «работника Семена». Именно его пропагандировал в очерках своих, отрывки из которых, опубликованные несколько лет назад в «Новом мире», поражают своей пронзительной ответственностью нашему времени. Фет вовсе не обращается к властям, чтобы они его, помещика, защитили,— напротив, он хочет, чтобы те не мешали естественно вырастать тому здоровому началу земельного «фермерства», которое только при свободном развитии — и не скоро! — может дать необходимые плоды: «Нередко вся мудрость воспитателя состоит в умении воздержаться от уничтожения временного безобразия воспитанника. Обрубите у молодой хвойки ее корявые, низменные сучья. Лишив дерево необходимого питания воздухом, вы убьете его. Подождите лет 40 и увидите стройный, могучий ствол с небольшой зеленой короной наверху».

Фет проповедовал жизненную «стройность», которая может быть достигнута лишь повседневным терпеливым трудом. Но и власти, и оппозиционные им демократы терпением не отличались: тех и других было бессмысленно убеждать «подождать лет 40». Подобное осознание естественной жизни было по плечу только истинному лирику... А настоящих лириков — единицы; и, может быть, по этой причине творческий облик Фета, во всей его полноте и стройности, остается непонятым до сих пор. Не было никакого «противоречия» между бородачатым помещиком и «чистым» поэтом — это две стороны единого и цельного облика, естественно развивающегося в неестественном времени.

Проза Фета многообразна. Здесь и открытые публицистические манифесты, и экономические статьи, и очерки из крестьянского быта (близкие к позднейшей «деревенской прозе»), и яркие новеллы, продолжающие традицию тургеневских «Записок охотника»... Здесь и его замечательные по стилю мемуары. Здесь и философия — огромный (и очень вольный, по-фетовски перосмысленный) перевод книги немецкого философа А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление»: в этой книге Фет отыскал нечто созвучное собственным размышлениям об идеальной стройности мира — и действительном его распадении...

Эта самая фетовская проза до сих пор не собрана вместе во всем ее объеме, не переиздана и никем не осмыслена. Обиходное представление о нем как об авторе небольшой стихотворной книжки абсолютно неверно. Если собрать все, что он написал за долгую свою жизнь,